

УДК 811

DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-18-26

О РОМАНСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

И.В. Бойчук, А.О. Лавриненко, Е.В. Лукьянова, Ж.А. Бубырева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru, lavrinenko@bsu.edu.ru, lukyanova@bsu.edu.ru, bubyreva@bsu.edu.ru

Аннотация

В настоящей статье предпринята попытка изучения и классификации романских заимствований в современном польском языке. Романский компонент является органическим для польской культуры в связи с религиозными, историческими и генетическими связями польского народа с народами романоязычными, что, несомненно, находит отражение во всех уровнях польского языка как в синхронном, так и в диахронном аспекте. Отдельного внимания заслуживает изучение данного вопроса в социолингвистическом контексте, поскольку экспансия романского элемента затронула польский язык в частности и польскую культуру в целом. Традиция заимствования романских культурных фактов характерна для польской культуры и ныне. Этот факт находит своё отражение не только в живой речи и научном узусе, но и в плоскости художественной литературы. При этом важно отметить, что заимствование романских элементов могло происходить как непосредственно, так и при помощи языков-посредников (среди таковых особо следует выделить немецкий и чешский языки). Также небезынтересен тот факт, что романская лексика экспандировалась в польский язык как путём прямого заимствования, так и путём калькирования. В частности, примерами кальки является ряд личных имён латинского происхождения, сохранивших латинский фонетический облик, но склоняющихся по правилам польской грамматики.

Введение

Польский язык, относящийся, как известно, к лехитской подгруппе западнославянской группы славянской ветви индоевропейской языковой семьи, как и многие другие славянские языки, в процессе своего исторического развития обогатился значительным количеством иноязычных заимствований [Бойчук: <http>]; [Тихомирова, 1988: 232].

Полонист Т.С. Тихомирова выделяет следующие основные источники заимствований в польском языке: классические, западноевропейские и славянские языки [Тихомирова, 1988: 232]. Западноевропейские языки, из которых черпал заимствования польский язык – немецкий, итальянский, французский и английский [Тихомирова, 1988: 233].

Мы ставим целью нашего исследования анализ романского элемента в современном польском языке. Под романским элементом в данной статье мы подразумеваем лексику, заимствованную польским как из латинского языка, так и из неолатинских, т.е. современных романских языков – французского, итальянского, испанского, португальского, румынского, входящих в итальянскую ветвь индоевропейской языковой семьи и генетически восходящих к общему предку — латыни.

Основная часть

Роль латинского языка как источника заимствований объясняется прежде всего таким социолингвистическим фактором, как принадлежность Польши к католическому

миру, официальным языком которого являлся латинский (как известно, Польша, наряду с чешскими землями и другими территориями, на которых расселены славяне-католики, входит в *Rex Slavia Latina*). Рассматривать этот фактор следует в диахроническом аспекте. Н. Б. Мечковская пишет, что «не только у романских народов, но и в немецких землях, и в ареале *Slavia Latina* латинский язык был органическим компонентом культуры» [Мечковская, 2004: 191]. Латынь издавна пользовалась в Польше очень высоким престижем. Как указывают многочисленные источники, придворная знать и даже мелкопоместная шляхта, как правило, хорошо, а нередко и очень хорошо, владели латынью. Для многих представителей шляхты это было делом чести и необходимым атрибутом их социального статуса. Так, например, Пьер Шевалье в своей книге «Генрих III» говорит о том, что польские аристократы демонстрировали гораздо лучшее знание латыни по сравнению с французской знатью даже несмотря на то, что от французов изучение латинского языка, учитывая тот факт, что французский язык происходит от народной латыни, требовало в разы меньших усилий, чем от поляков, родным языком которых являлся язык, принадлежащий к западнославянской группе и, следовательно, генетически с латынью связанный крайне слабо – лишь на уровне вхождения в одну языковую семью. Уместно вспомнить также прекрасно владевшего латынью политического и военного деятеля Речи Посполитой Николая Остроорога (1593-1651). В сущности, латинский язык являлся для польского тем, чем для восточнославянских языков был язык церковнославянский, являясь, однако, неродственным ему языком. Н. Б. Мечковская пишет: «Латинско-славянское культурное двуязычие и «двулитературность» (термин Н. И. Толстого для обозначения двух относительно автономных литературных традиций – на латинском и на народном языке) наиболее полное развитие получили в Польше XII - XVII вв. Латынь была основным языком польской церкви, государства, науки, образования.» [Мечковская, 2004: 191]. Таким образом, мы видим, что период латинско-польского двуязычия пришелся на старопольский и большую часть среднепольского периодов истории польского литературного языка, т. е., в сущности, на периоды, ставшие особенно важными для становления современного польского языка.

Т.С. Тихомирова также считает необходимым подчеркнуть особую роль «латинского языка и латинской письменности в жизни польского общества» [Тихомирова, 1988: 7]. По мнению ученого «Роль латинского языка в истории польского литературного языка была многообразна и неоднозначна, а его воздействие проявлялось как в области функционирования польского языка, так и его структуры» [Там же]. Очень важно, что «В Польше очень рано, едва ли не на заре гуманистической (латинской) образованности в Европе, стала культивироваться классическая эрудиция (то, что позже в Италии назовут *studia humanitatis*)» [Мечковская, 2004: 7]. Эта традиция оказалась чрезвычайно устойчивой, чему можно без труда найти подтверждение не только в исторических источниках, но и в художественном дискурсе. Так, пан Тыбурций, персонаж рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе» (1885) «...начинал декламировать длиннейшие латинские периоды...» (напомним, что прототипом места действия этого частично автобиографического произведения является город Ровно середины XIX в.). Вместе с тем влияние латинского языка начало постепенно ослабевать еще примерно с середины среднепольского периода [Тихомирова, 1988: 10], хотя ещё в первой половине восемнадцатого века стремление к классической эрудиции не только продолжает сохраняться по инерции, но и даёт толчок к развитию целого ряда учебных заведений, которые номинировались по-латински и функционировали именно как классические учебные заведения. Показательным в этом смысле является существование учебного заведения, основанного Станиславом Конарским, известного как *Collegium Nobilium*. Обучение в этом конвикте (т. е. закрытом учебном заведении для детей представителей

знати) проходило исключительно на латинском языке, но, в отличие от многих других дворянских школ, здесь преподавалось также польское и международное право, а также ряд естественных наук. Об этом пишет в своей книге «Поляки в Риме: от Мешка I до Иоанна Павла II» Marek Боруцкий:

„А w "Ustawach szkolnych", opracowanych przez księdza Konarskiego w 1755 roku, czytamy między innymi: "Jak nasze Collegium Nobilium zakładamy na wzór rzymskiego Collegium Nazarenum, tak też zachowujemy jego reguły, prawa, zwyczaje, o ile dadzą się u nas zastosować"” (В школьных правилах, сформулированных ксендзом Конарским в 1755 году, среди прочего можно прочесть: «Как наш коллегийум создан по образцу Collegium Nazarenum, так мы и сохраняем вслед за ним наши правила, обычаи, законы, хотя они и используются нами» (*перевод наш – А. Л.*)).

Итак, не вызывает сомнений, что такие социолингвистические факторы как огромный престиж латинского языка в Польше, его статус языка Католической церкви, хорошее знание его относительно значительным количеством поляков способствовали заимствованиям из него как лексических единиц, так и синтаксических конструкций.

Как указывает Т. С. Тихомирова, латинские заимствования попадали в польский язык главным образом через письменность, причем в ранний период это происходило довольно часто через посредство немецкого или чешского языка [Тихомирова, 1988: 232]. То, что латинские заимствования входили в польский язык преимущественно через письменность, несомненно объясняется главным образом тем фактом, что латынь в данный период давно была уже «мертвым» языком и, хотя и являлась *lingua franca* европейской интеллектуальной элиты, все же преимущественно существовала именно в письменной форме.

К выделяемым Т.С. Тихомировой словообразовательным приметам и особенностям словоизменения отдельных групп латинских заимствований (слова на *-um* и на *-ent*) нам хотелось бы добавить весьма многочисленные существительные мужского рода на *-a*: *poeta, idiota, ateista, artysta, alpinista, atleta* и др.), а также существительные мужского рода на *-iusz*: *proletariusz, agrariusz*.

Влияние латинского языка и римской культуры на польский язык и культуру сохранялось не только в XIX в. (достаточно вспомнить одно из важнейших произведений польской литературы – *Quo vadis?* Генрика Сенкевича), но продолжает ощущаться и в наши дни. Так, например, известная польская туристическая фирма носит название *Orbis*, являющееся, по сути, графической цитацией из латинского языка. Косвенным подтверждением сохранения, по крайней мере, частичного, традиции культивирования классической эрудиции, является приверженность современных польских ученых гуманитарного цикла вопросам проблематики, связанной с классической античностью и, в частности, Древним Римом (см., например, книги Л. Винничук *Starożytni Grecy i Rzymianie w życiu prywatnym i państwowym, Epistolografia. Łacińskie podręczniki epistolograficzne w Polsce w XV—XVI wieku, Lingua Latina. Łacina bez pomocy Orbiliusza* и др.).

Вместе с тем в ряде случаев польский язык вместо прямых заимствований из латинского прибегает к калькам, например, дословный перевод на польский (калька) *Rzeczpospolita* вместо прямого заимствования *Res Publica*. То есть еще в ту пору польский язык демонстрировал все же определенную сдержанность при заимствовании иноязычной лексики, каким бы высоким ни был престиж языка-источника. Вероятно, определенную роль при этом играло чувство национальной гордости и самооценности. На наш взгляд, небезынтересен тот факт, что многие латинские имена, закрепляясь в польском языке, сохраняют оригинальное написание, но при этом склоняются уже по правилам польской грамматики – например, *Horace – od Horacego*, как в тексте романа Марека Краецкого «Конец света в Бреслау»:

„Radca kryminalny Mock zasypia w fotelu, w bezpiecznym kręgu lampy, a na jego okrągły brzuch, wydęty od piwa i golonki, osuwa się szkolne wydanie *Ōd Horacego*” (заметим, что в приведенной цитате фигурирует галлицизм *fotel* (<франц. *un fauteuil*), восходящий, в свою очередь, к германскому этимону).

Мы расцениваем вышеописанный период вхождения масс латинских лексических единиц в польский язык и латинского влияния на грамматический строй польского языка как первую волну романизации польского языка. Примечательно, что эта мощная волна в какой-то мере докатилась и до восточнославянских русского, украинского и белорусского языков, выразившись, в частности, в принятии этими языками модели оформления западноевропейских хоронимов финалью *-ия*: *Denmark* – Дания, *Sverige* – Швеция и т.п. Известно, что и позже польский язык выступал посредником в заимствовании лексики восточноевропейскими языками из французского [Фомина, 2001: 120]; [Маринова, 2013: 213].

Имела место и вторая волна романизации польского языка, по силе, вероятно, сопоставимая с первой. На этот раз источником романских заимствований явился один из неолатинских языков – французский. Мощнейшее воздействие французского языка на польский также не подвергается сомнениям несмотря на отсутствие у этих стран общих границ и значительную географическую удаленность друг от друга. Мы считаем, что основные причины этого – социолингвистические. Т. С. Тихомирова находит, что «активное воздействие французской лексики на польскую началось в конце XVIII в. и отмечено в различных семантических областях» [Тихомирова, 1988: 233]. Однако интенсивные польско-французские контакты датируются концом XVI в. – периодом, когда французский принц Анжуйский Генрих Валуа был избран польским королем после смерти бездетного Сигизмунда II Августа – последнего представителя династии Ягеллонов. Генрих и его французский двор пребывали в Вавеле с ноября 1573 по июнь 1574 года и их присутствие в Кракове было, вероятно, основой для первых непосредственных францужско-польских лингвистических контактов и положило начало периоду францужско-польской аккультурации. Сохранились свидетельства, что в основном общение между представителями польской и французской аристократии происходило на латинском языке, которым, как уже упоминалось, польская аристократия владела значительно лучше, чем французская.

Несмотря на бегство Генриха Валуа из Польши, мы считаем, что франко-польские контакты с тех пор продолжали оставаться довольно интенсивными. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что польский король Ян II Казимир Ваза после отречения от престола в 1668 году уехал именно во Францию, где получил аббатство Сен-Жермен-де-Пре, будучи аббатом которого и умер в 1672. Символично, что «Его тело захоронено 31 января 1676 г. в Вавельском соборе, а его сердце покоится в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре».

Одной из основных причин интенсивных и прочных контактов между Францией и Польшей мы считаем общность религии – как известно, обе эти страны – католические («До Францужской революции католицизм считался государственной религией Франции, а саму страну называли «старшей дочерью церкви»»), что, вероятно, и играло основную роль в стремлении Польши, окруженной протестантскими и православными странами и находящуюся в состоянии практически перманентных военных действий с Оттоманской Портой, к укреплению контактов именно с влиятельной католической Францией. Представляет интерес, что Н. Б. Мечковская говорит о поляках как о «славянских францужах»: «...сравните репутацию французского языка как языка утонченной европейской культуры или польского как языка «славянских францужов». Вспомним, что в том же ключе Варшава периода между двумя мировыми войнами поэтически именовалась «восточноевропейским Парижем». Все это еще раз подчеркивает, что заимствование французской лексики польским языком проходило в рамках общего процесса аккультурации.

Не вызывает сомнений, что в XVIII в. эти контакты еще больше интенсифицировались. Этому способствовало то, что в течение всего этого столетия в Европе безраздельно доминировал французский язык. Так, Н. Е. Ананьева пишет: «В XVII и особенно в XVIII в. с расцветом французской литературы, моды, кухни и с ростом интереса европейцев ко всему французскому начинается экспансия галлицизмов. В польском языке появляются французские заимствования из самых различных областей жизни: fryzjer «парикмахер» (от фр. friser), багаż «багаж» (фр. bagage), biuro «бюро» (фр. bureau), krawat «галстук» (фр. cravate), perfumeria «парфюмерный магазин» (фр. parfumerie) [Walczak, 1999: 147-149]; [Ананьева, 1994: 288-289]». Позволим себе привести еще несколько примеров французских заимствований, заметив, что в целом их количество огромно: bagatela, ażurowy, barykada, awans, debiut, depesza, brylant, bukiet, peruka, ofensywa, maniera и др. Немало способствовали укреплению этих контактов позиция Наполеона Бонапарта в отношении воссоздания Польского государства и престиж императорской Франции начала XIX в. Как известно, имя Наполеона Бонапарта упоминается даже в гимне Республики Польша.

Теснейшее культурное взаимодействие продолжалось в течение всего XIX в. и начала XX в., вплоть до начала Второй мировой войны. Об этом свидетельствуют такие фигуры, как Фредерик Шопен, Мария Склодовская-Кюри и др. И, хотя польская культура взаимодействовала далеко не исключительно с французской — достаточно вспомнить Джозефа Конрада (псевдоним поляка Теодора Юзефа Конрада Коженёвского), одного из самых выдающихся английских писателей конца XIX начала XX вв., — все же представляется обоснованным утверждение, что влияние именно французской культуры было в этот период доминирующим, что не могло не отразиться на польском языке. Влияние немецкого языка и культуры, учитывая геополитическую ситуацию того периода, также было огромным (см., например, слова повседневного употребления urlor (< нем. der Urlaub), spacer, spacerować (< нем. spazieren, der Spaziergang) и др.), но оно, несомненно, воспринималось носителями польского языка в другом ключе, нежели влияние французского языка и культуры. Вероятно, политика насильственной германизации польских земель, проводившаяся в то время, вызывала определенное сопротивление и на лингвистическом уровне. Если языковые контакты Польши с Германией были неизбежны, то взаимодействие польского языка с романскими языками (в основном, французским и в меньшей степени - итальянским) носят совсем иной характер. Популярность итальянской культуры в XIV-XVII вв., а также развитие коммерческой деятельности в Италии способствовали проникновению в польский язык новых понятий из области музыки и коммерции: aria «ария», serenada «серенада» (итал. serenata), gracia «грация» (итал. grazia), bank «банк» (итал. banca) [Ананьева, 1994:288].

Следует отметить, что в ряде случаев нельзя исключить посредничество немецкого языка при вхождении французских заимствований в польский язык: франц. une pantoufle > нем. ein Pantoffel > польск. pantofel, pantofla.

Анализ как лексикографических источников, так и текстов на польском языке выявляет присутствие как в тех, так и в других весьма значительного количества французских лексических заимствований. Французские заимствования, зарегистрированные в лексикографических источниках, отражают статику состояния этих заимствований в современном польском языке, а тексты на польском языке — динамику состояния корпуса этих заимствований.

Многочисленные лексические галлицизмы присутствуют, например, в речи персонажей пьесы Г. Запольской „Moralność pani Dulskiej”, написанной в 1906 г. (французские заимствования мы выделяем курсивом): „Wielka *afera* – zgoiszę dowesela” (<une affaire), „Ojciec *toleruje*” (<tolérer), „Bo ty jesteś *sentimentalna*” (<sentimentale), „Ładna *edukacja!*” (<une éducation), „Macie *parasol?*” (<un parasol), „Proszę

panią na *kanapę*.” (<un canapé), „Przyjmujecie gorącą *kolacyę*...” (<une collation, здесь произошло определенное смещение смысла: во французском языке une collation «закуска», в польском kolacja «ужин»), „będzie *kontenta*...” (contente) и множество других. Отметим, что в речи персонажей пьесы встречаются и неадаптированные французские слова, например, jamais (впрочем, наряду с немецкими).

Приведем также несколько примеров из произведений польских писателей конца XX века (французские заимствования мы также выделяем курсивом): „Pomiarkował że *tam rację*, bo przestał kłać, ale zato znowu od czasu do czasu pojekwali *lametował*” (Jerzy Siewerski „Niezabijasię świętego Mikołaja”) – в данном случае в пределах одного предложения мы имеем дело с двумя лексическими галлицизмами (мы выделяем их курсивом): tam rację – калька с французского j'ai raison (avoir raison), lametował – от французского se lamenter; „Wypuszczę, jak oddasz *walizkę*...” (id.) <франц. la valise; „Dlaczego Śliwa nie zadjął kostiumu świętego Mikołaja?” (id.) <франц. le costume; „Ja pociągnę z *butelki*...” (id.) <франц. une bouteille; „gdzieś na wysokości serca tkwit wbity aż po rękojeść duży wojskowy *bagnet*” (id.) <франц. une baïonnette (в русском языке соответствующее понятие передается при помощи германизма); „Nie było *okazji*, żeby do niej podejść.” (Zygmunt Zeydler-Zborowski „Człowiek o cętkowanej twarzy”) <франц.une occasion, „Siedzieć tu *nie ma sensu*.” <франц. n'avoit pas de sens, „To był zwykły, *ordynarny szantaż*” < ordinaire, un chantage (в данном случае мы также наблюдаем наличие двух слов романского происхождения в пределах короткого предложения, во французском ordinaire «обычный», в польском ordynarny «грубый»), „Zadnych *revelacji*” <une révéation; одна из книг Яна Анджея Качмарчика называется „Koneser” <франц. connaisseur (Jan Andrzej Kaczmarczyk „Koneser”), „Na dole pewne już czeka cała ekipa” (id.) <франц. une équipe; „Nie kielbasę, tylko *sos* – sprostowała mama” <франц. une sauce (Maria Terlikowska „Kuchnia z niespodzianką”).

В ряде случаев довольно трудно достоверно установить из какого источника – латинского или французского языка пришла в польский та или иная лексическая единица романского происхождения: „*Mizernie* wyglądasz...” (Jerzy Siewerski „Niezabijasię świętego Mikołaja”) <франц. misérablement или, более вероятно, лат. miserē - в данном случае форма слова свидетельствует скорее о латинском его происхождении; „Uprawiał sportu, był silny,..., pełen życia i młodzieńczego *wigoru*” (Zygmunt Zeydler-Zborowski „Człowiek o cętkowanej twarzy”) <франц. une vigueur или лат. vigor. Очевидно, если слово романского происхождения пришло в польский язык ранее конца XVI в., оно почти наверняка было заимствовано из латинского языка, а если в более поздний период – велики шансы того, что слово пришло из французского. При этом важно, что результаты указанного процесса нашли своё отражение не только в художественном дискурсе, но и в журналистских текстах, которые в какой-то степени включаются в повседневный дискурс: „ja, Trąba Boża, ku chwale Boga i świętych Janów Chrzciciela i Ewangelisty, patronów tej świątyni, została odlana” [Gazeta Miejska nr 19 (62), 2000], „Poza tym błędem jest pisane "Iesu" przez duże "J" , trzeba wiedzieć, że język łaciński liczy 24 litery i nie ma wśród nich litery "j"” [Gazeta Wyborcza, nr 9 (260), 1998].

Однако, учитывая, что подавляющее большинство слов французского языка латинского происхождения (с подразделением французских слов на mots savants и mots populaires), это деление в какой-то мере условно. Примечательно, что с подобными трудностями языковой атрибуции сталкиваются при определении из какого языка – латинского или французского – пришло то или иное слово романского происхождения в английский язык (см. многочисленные английские толковые словари, в которых указывается этимология, например, Concise English Dictionary, Wordsworth Editions). Абсолютное большинство французских заимствований в польском языке в конечном итоге восходит к латинским корням.

Источники статистики в ряде случаев отражают статус того или иного заимствования из латыни или французского языка в современном польском языке. Так, например, выясняется, что слово *wagabunda* (<un *vagabond*) является в современном польском языке сугубо книжным и, соответственно, малоупотребительным, а, возможно, и вовсе неизвестным некоторым носителям польского языка.

Следует сказать, что галлицизмы присутствуют в современном польском языке также в форме графического цитирования: „Nie żadna Ala, tylko *à la Tomek*, co po francusku znaczy „według” albo „nasposób” – wyjaśnił tatuś (Maria Terlikowska, „Kuchnia z niespodzianką”).

Возвращаясь к вопросу о том, что мы называем первой волной романизации польского языка, следует сказать, что в настоящее время мы можем констатировать, что латинизация лексики современного польского языка оказалась все же далеко не такой массивной, как этого можно было бы ожидать, учитывая весь комплекс описанных выше социолингвистических условий. Так, например, в ряде случаев, когда в русском языке имеется латинизм, в польском находим исконно славянское слово: *экватор* – *gównik*, *донор* – *dawca*, *доза* – *dawka*, *оратор* – *mówca*, *рефлекс* – *odruch*. Иногда латинизму в русском языке в польском соответствуют одновременно исконно славянское слово и германизм: *профессия* – *zawód*, *fach* (< нем. *das Fach*). Однако в польском языке для обозначения какого-то понятия могут сосуществовать заимствование из романских языков и германизм, например, *каникулы* – *wakacje* (<франц. *vacances*) и *ferie* (<нем. *die Ferien*).

Это в какой-то мере справедливо и для слов французского происхождения: *тропуар* – *chodnik* (< франц. *un trottoir*), *шедевр* – *arcydzieło* (<франц. *un chef-d'œuvre*), *тираж* – *nakład* (<франц. *un tirage*). Кроме того, иногда в польском языке находим кальку, в то время как в русском – заимствованное из французского языка слово: *woda kolońska* – *одеколон* – *l'eau de Cologne*.

Однако в ряде случаев в русском языке используется исконно славянское слово, в то время как в польском бытует латинизм или галлицизм: *намек* – *aluzja* (слово «аллюзия» бытует в русском языке в основном в качестве литературоведческого термина), *посольство* – *ambasada* (<*une ambassade*), *тревога* – *alarm* (<*une alarme*), *туз* – *as* (<*un as*), *любитель* – *amator* (<*un amateur*), *швейцар* – *portier* (<*un portier*) (слово *портье* в русском языке относительно малоупотребительно), *невежда* – *ignorant*, *ignorantka* (<*ignorant*), *успех* – *sukces* (< *un succès*), *kozyрь* – *atout* (<*un atout*), *решение* – *decyzja* (<*une décision*), *духи* – *perfumy* (<*un parfum*).

Заключение

В заключение остановимся на фонографической адаптации заимствуемого польским языком романского лексического материала. Следует сказать, что графический и фонетический облик французских слов, заимствуемых польским языком претерпевает очень значительные изменения. В меньшей мере это касается слов, заимствуемых из латыни. Так, многие французские буквы и буквосочетания заменяются их польскими эквивалентами: *v* – *w*, *j* – *ż*, *c* (перед *a*, *o*, *ou*, *u*) – *k*, *ch* – *sz*, *x* – *ks*. Фонетические изменения также весьма значительны. Так, происходит субституция французского звука /i/ совершенно фонетически чуждым французскому языку польским звуком /i/, графически передаваемым как *u*. Французские носовые гласные не сохраняются, несмотря на наличие в польском носовых гласных (из европейских языков, кроме французского и польского, носовые гласные есть только в португальском). Имеет место дейотизация: *fotel* <франц. *un fauteuil*. Иногда происходит озвончение инициального /k/ > /g/, связанное, по-видимому, с заимствованием данной лексемы посредством итальянского или испанского языка: *un cabinet* > *gabinet*, однако подобное озвончение не является регулярным: *un cordon* > *kordon*. Французский дифтонг /wa/, передаваемый по-французски буквосочетанием *oi*, в польском языке графически и фонетически преобразуется в *oa*: „*Gabinet był cały wykładany ciemną*,

dębowa boazeria” (Jerzy Siewerski „Jestem newinny”). В целом можно констатировать, что в какой-то мере французские слова адаптируются в польском языке так, как если бы они были словами латинскими, что, вероятно, объясняется более давней и прочно укоренившейся традицией, а также большей фонетической близостью польского и латинского языков. Другими словами, при фонографической адаптации французских лексических заимствований в польском языке часто происходит определенная «латинизация». Как французский, так и польский язык являются языками с фиксированным ударением: во французском в отдельно взятом слове всегда ударным является последний слог, в польском – предпоследний. В заимствуемых польским языком французских словах регулярно происходит перемещение ударения с последнего слога на предпоследний. Однако имеются исключения, например, галлицизм *etui* произносится по-польски с ударением на финальном звуке.

Французские заимствования претерпевают в польском языке также значительную морфологическую адаптацию. Французская финаль *-tion* (окончание существительных женского рода) заменяется польской финалью *-cja*. Заимствованные французские слова с гласной финалью в польском языке, в отличие от русского, в котором они не склоняются, склоняются по правилам, существующим для польских субстантивов. Здесь можно провести аналогию с упомянутым ранее склонением латинских собственных имен.

Заметим в заключение, что удельный вес заимствований из других романских языков (например, испанского, португальского, румынского) крайне невелик. Так, заимствования из румынского языка в польском практически отсутствуют.

Список литературы

1. Ананьева Н. Е. 1994. История и диалектология польского языка. М. Изд-во МГУ. 304.
2. Бойчук И.В. 2012. О взаимодействии индоевропейских и финно-угорских языков на лексическом уровне : на материале английского, французского и венгерского. Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики : сб. науч. тр. Белгород. 301-304.
3. Короленко В. Г. 1954. В дурном обществе. Собрание сочинений в 10 т. Том 2. М. Гослитиздат. 325.
4. Маринова Е. В. 2013. Теория заимствования в основных понятиях и терминах. М. Флинта-Наука. 239.
5. Мечковская Н. Б. 2004. Структурная и социальная типология языков. Минск. Амалфея. 365.
6. Тихомирова Т. С. 1988. Курс польского языка. М. Высшая школа. 279.
7. Фомина М. И. 2001. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа. 415.
8. Шевалье П. 1997. Генрих III. М. ТЕРРА — TERRA. 845.
9. Borucki M. 1995. Polacy w Rzymie: od czasów Mieszka I do Jana Pawła II. Warszawa (in Polish).
10. Kaczmarczyk J. 1983. A. Koneser. Warszawa. Krajowa Agencja Wydawnicza, RSW „Prasa-Książka-Ruch”. 155 (in Polish).
11. Krajewski M. 2003. Koniec świata w Breslau. Warszawa. 200 (in Polish).
12. Siewerski J. 1981. Jestem newinny. Warszawa. Krajowa Agencja Wydawnicza, RSW „Prasa-Książka-Ruch”. 152 (in Polish).
13. Siewerski J. 1978. Zabija się świętego Mikołaja. Warszawa. Krajowa Agencja Wydawnicza, RSW „Prasa-Książka-Ruch”. 206 (in Polish).
14. Terlikowska M. 1980. Kuchnia z niespodzianką. Warszawa. Krajowa Agencja Wydawnicza, RSW „Prasa-Książka-Ruch”. 313 (in Polish).
15. Walczak B. 1999. Zarys dziejów języka polskiego. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław. 305 (in Polish).
16. Zeydler-Zborowski Z. 1980. Człowiek o cętkowanej twarzy. Warszawa. Krajowa Agencja Wydawnicza, RSW „Prasa-Książka-Ruch”. 176 (in Polish).